

Тайги, а также их культурных связей с населением соседних районов Алтая и Монголии. Старшее и среднее поколение современных тувинцев — жителей Монгун-Тайги — хорошо помнит свою родоплеменную принадлежность, и зафиксировать это нам было довольно легко.

Интересный материал получен по историко-культурным связям тувинцев с алтайцами и монголами-дербетами. Оказалось, что общение с теленгитами южного Алтая, частично с телесами восточного Алтая, у тувинцев Монгун-Тайги, как и всего Байтайгинского района, в течение ряда столетий было постоянным, несмотря на наличие в прошлом государственной границы. Эти связи продолжают и в настоящее время. Алтайцы и тувинцы вступают во взаимные браки, ездят друг к другу в гости и т. д. Любопытно, что многие эпитеты и наименования различных духов-божеств, упоминаемых в мистериях алтайских шаманов, которые исследователи алтайского шаманства обычно переводили, исходя из этимологии алтайского языка, оказались в действительности топонимическими тувинскими терминами. Так, имя часто упоминаемого алтайскими шаманами божества Бай-Тайги обычно переводилось — «богатая тайга», а на самом деле — это реально существующий большой, почитаемый тувинцами хребет Бай-Тайга, который прославлялся алтайскими и тувинскими шаманами. Так же обстоит дело с названием озера Сүт-Коль, в котором, по описанию шаманов, купаются некоторые духи или божества. Предполагали, что это просто шаманский образ мифического «молочного» озера. На деле же — это реально существующее под таким названием озеро, находящееся близ верховьев р. Алаша (приток Кемчика). Кстати сказать, и р. Алаш также упоминается в алтайских шаманских призываниях.

Связи тувинцев Монгун-Тайги с западными монголами-дербетами осуществлялись довольно легко вследствие благоприятных географических условий. Влияние западных монголов на культуру и быт тувинцев Монгун-Тайги отражено в терминологии жилищ, его обстановки и других явлений материальной культуры тувинцев, которую мы тщательно собирали, и дает весьма интересный материал о давних и тесных связях монголов и тувинцев Монгун-Тайги. Вероятно, и в этническом составе тувинцев удастся обнаружить монгольский элемент; у западных монголов мы также вправе ожидать заимствований из быта тувинцев и тувинскую этническую примесь. Однако это — дело дальнейшего изучения.

В программу работы этнографического отряда нашей экспедиции входит изучение современной социалистической культуры и быта тувинцев. В Институте этнографии изучение социалистической культуры и быта народов Советского Союза с каждым годом занимает все более и более прочное место. Расширяется и углубляется тематика такого изучения. Тувинская комплексная экспедиция также стремится полнее и глубже исследовать процесс социалистических преобразований в Туве, которая в этом отношении дает яркий и интересный материал, так как здесь совершается переход к социалистической культуре и быту непосредственно от весьма архаических форм, имеющих длительную традицию.

Первый сезон полевой работы Тувинской комплексной экспедиции позволяет рассчитывать, что исследовательские задачи и программа работ будут выполнены и дадут плодотворные научные результаты. В дальнейшем экспедиция сосредоточит свое внимание на изучении других районов Тувы, из которых северо-восточные и восточные представляют выдающийся интерес. Материалы полевых исследований обоих отрядов экспедиции, как и их отчеты, будут публиковаться в «Трудах Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», первый выпуск которых уже готовится к печати.

Л. Потанов

РАСШИРЕННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ СЕКТОРА КАВКАЗА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

24—26 февраля 1958 г. в Институте этнографии АН СССР состоялись три расширенных заседания сектора Кавказа, в которых приняли участие кавказоведы различных специальностей из других институтов Академии наук, сотрудники кафедры этнографии Московского университета и музейные работники г. Москвы.

На заседаниях было заслушано 11 докладов.

М. О. Косвен в докладе «Историк и этнограф адыгейского народа Хан-Гирей», основанном почти исключительно на свежих архивных материалах, привел подробные биографические сведения о жизни и работе первого адыгейского историка Хан-Гирея (XIX в.), перечень его печатных и рукописных трудов. Докладчик проследил сложную судьбу некоторых из рукописей Хан-Гирея, считавшихся ранее утраченными, и даже нашел отдельные рукописи. Проанализировав литературное наследие адыгейского историка, докладчик дал ему высокую оценку, отметил, что в большинстве своих этнографических и исторических сочинений Хан-Гирей стоял на довольно прогрессивных для своего времени позициях. В прениях, открывшихся по докладу, исследование

М. О. Косвена и его общая оценка трудов Хан-Гирея получили единодушное одобрение всех выступавших, отметивших также чрезвычайную тщательность проделанной М. О. Косвеном работы.

В. К. Гарданов в докладе «История написания и опыт критического анализа «Истории адыгейского народа Ш. Ногмова» пришел к выводу, что эта работа была написана под сильным влиянием «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, причем историческую схему, принятую русским историком, Ногмов наполнил конкретным материалом из жизни адыгейских племен. Докладчик указал, что до сих пор к «Истории» Ногмова относились недостаточно критически, воспринимая ее как непрерываемое исследование. Но у Ногмова имелся, как было показано, свой идейный предшественник, которому он тщательно следовал.

Доклад Б. А. Калоева «Мотивы амазонок в нартском эпосе» был построен на материале осетинского эпоса (в издании 1957 г. Академии наук СССР); докладчик обнаружил несколько мест с описанием женщин-богатырей, образы которых он недостаточно обоснованно истолковал как образы амазонок. На это указали выступившие в прениях М. О. Косвен, Л. И. Лавров, Н. Ф. Такоева, отметившие, однако, что проделанную докладчиком работу следует непременно продолжить, привлекая более широкий сравнительный материал. Так, М. Г. Воробьева сообщила, что подобные мотивы женщин-батырш имеются в каракалпакском народном эпосе.

Доклад Н. Ф. Такоевой «Брак и свадебные обряды осетин в XIX в.» был посвящен нормам брачного права осетин, обычаям при сватовстве и сговоре и свадебному ритуалу. На конкретном материале докладчица показала, что нормы брачного права в Осетии в XIX — начале XX в. отражали классовый характер осетинского общества, в котором, однако, удерживались и значительные пережитки патриархально-родового строя (экзогамия, левират, «люлечное обручение», умыкание и др.). В свадебном ритуале, наряду с церковным оформлением брака венчанием у осетин-христиан и с религиозным оформлением брака муллой у мусульман, сохранился древний ритуал трехкратного обведения невесты вокруг очага, связанный с языческими верованиями. Докладчица проследила также на сравнительном материале, что в свадебных нормах и брачном праве осетин имеется много общего с другими народами Кавказа.

Г. А. Сергеева в докладе «Брак и свадебные обряды дагестанцев в XIX в.» подвергла детальному рассмотрению основные моменты свадебного цикла у народов Дагестана: формы и условия заключения брака, брачную экзогамию, соотношение калыма и кебина (плата родителям невесты, которая подлежала возврату в случае расторжения брака), придя к выводу, что в свадебном комплексе народов Дагестана имеются напластования различных исторических эпох — от матриархата до классового феодального общества. Красной нитью через весь свадебный цикл в Дагестане проходит идея торжества патриархального начала.

Сообщение Т. Ф. Аристовой «Основные сюжетные мотивы курдских ковров» было сделано по материалам ее поездок к курдам Закавказья летом 1957 и в предшествующие годы. Докладчица на фактическом материале показала, что основные сюжетные мотивы курдских ковров отражают религиозные верования курдов (изображение павлина — Малак-Тауза, бога отрицания), главные занятия: скотоводство (рога баранов и буйволов), земледелие (капуста), ковроткачество (паук, символ этого ремесла) — и географию страны (чередование разноцветных полос, представляющих собой стилизованное изображение гор и долин). В прениях выступавшие подчеркивали научное значение проведенного исследования и советовали Т. Ф. Аристовой продолжить начатую работу, дополнив ее сравнительным материалом по Передней Азии.

А. Г. Трофимова в докладе «Этнографические области Азербайджана» набросала предварительную схему разбивки территории Азербайджана на десять этнографических областей. Однако выступавшие в дискуссии, развернувшейся по докладу, отмечали, что сделанная А. Г. Трофимовой наметка этнографических областей еще недостаточно обоснована, хотя, быть может, и верна. Работу эту необходимо продолжать.

С тремя докладами: «Происхождение карачаевцев и балкарцев», «Византийские и генуэзские города в Зихии» и «Южнодагестанский хронограф 1710—1712 гг.» выступил Л. И. Лавров.

В первом сообщении докладчик, используя новые, собранные им данные, привел доказательства в пользу того, что карачаевцы и балкарцы являются потомками половцев, бежавших в горы во время монгольского нашествия в XII в. В дальнейшем эти половцы смешались с ранее проживавшими здесь аланами, потеряв свой прежний монголоидный облик. Этот доклад Л. И. Лаврова получил высокую оценку со стороны всех принявших участие в прениях. Однако докладчик в заключительном слове указал, что этот вопрос требует дальнейшей разработки, так как еще неясно, кто были сами половцы, которые на Северном Кавказе отмечаются в литературных источниках со II в. н. э.

В докладе «Византийские и генуэзские города в Зихии» Л. И. Лавров путем скрупулезного анализа ряда исторических источников и лингвистических данных, а также полевых материалов установил точное местонахождение византийского города Никопсии, локализованного им у селения Ново-Михайловка, и генуэзской крепости Альба Зихия — в устье р. Годлик. При обсуждении этого доклада выступавшими

(Б. А. Калоевым, В. П. Пожидаевым, А. Г. Трофимовой и др.) было высказано пожелание организовать широкие археологические изыскания по периоду средневековья на Северном Кавказе, в которых приняли бы участие и этнографы.

Доклад Л. И. Лаврова «Южнодагестанский хронограф 1710—1712 гг.», был посвящен прочитанной им арабской надписи, обнаруженной на могильных камнях в двух разных пунктах южного Дагестана. Надпись содержит краткий хронограф, указывающий даты различных событий, имевших место в южном Дагестане и в г. Шемахе с XV по начало XVII в., и представляет собой новый важный источник по истории Дагестана и Азербайджана.

Доклад Е. В. Кильчевской «Изобразительное искусство аула Кубачи», в котором она установила, что камнерезная кубачинская орнаментика развилась из древней скульптурно-объемной пластики, вызвал оживленное обсуждение. Особый интерес вызвало то обстоятельство, что хронологическое приурочение некоторых памятников (надгробных плит, отдельных архитектурных деталей), сделанное докладчицей на основании разработанного ею искусствоведческого метода, полностью совпадает с точной их датировкой, согласно надписям на арабском языке, имеющимся на этих памятниках. Эти надписи на самом заседании обнаружил и перевел Л. И. Лавров. Таким образом, метод Е. В. Кильчевской открывает далеко идущие перспективы в отношении датировки ряда архитектурных памятников Дагестана.

В заключение следует отметить, что расширенные заседания сектора Кавказа явились хорошим начинанием, способствующим обмену научной информацией между этнографами и кавказоведами разных учреждений, и помогли установить более прочные связи между ними. Подобные начинания, нам кажется, следует практиковать в будущем не только в секторе Кавказа, но и в других секторах Института этнографии. Материалы расширенных заседаний сектора Кавказа будут опубликованы в одном из ближайших выпусков «Кратких сообщений Института».

В. П. Кобычев

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ СЕССИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОГО СОВЕТА ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ (РОСПРОМСОВЕТА)

18 и 19 февраля 1958 г. в Москве, в помещении Музея народного искусства прошла сессия, созванная Научно-исследовательским Институтом художественной промышленности Роспромсовета, посвященная результатам экспедиций, проведенных Институтом в 1950—1957 гг. в Алтайский край, Бурят-Монгольскую АССР, Дагестанскую АССР, Архангельскую, Иркутскую, Орловскую и Тульскую области РСФСР.

В зале музея была развернута выставка вещественных памятников, собранных во время экспедиций, и зарисовок с предметов народного искусства.

В сессии приняли участие этнографы, искусствоведы, музейные работники Москвы, Ленинграда и Загорска.

Экспедиции в Алтайский край с целью изучения народного искусства русского населения и алтайцев проводились сотрудниками Института в 1952 и 1954—1956 гг. В Горно-Алтайской области работа проводилась под руководством Н. И. Каплан в 1952 и 1954 гг.; в селах с русским населением (Курья, Кольвань, Зменогорск, Краснощеково, Алтайское) в те же годы — под руководством Е. Г. Яковлевой. В 1955—1956 гг. работа по сбору материала в районах с русским населением (Сорокинский, Залесовский, Смоленский, Алтайский, Солонешенский районы, а также Устькоксинский район Горно-Алтайской области) была продолжена Н. И. Каплан. В этих экспедициях приняли участие художники Института Э. М. Демюр, З. А. Пучкова, Ф. М. Мольнар и А. В. Курочкина.

В зарисовках, сделанных участниками экспедиции, богато представлено искусство алтайцев XIX — начала XX в.: узорные войлоки, настенные коврики из цветных тканей и меха, украшенные аппликацией и вышивкой тамбуром, кожаные тисненные сосуды — ташауры, металлические украшения конской сбруи и седел, выполненные чеканкой в сочетании с драгоценными камнями. Некоторые виды художественных ремесел: резьба по дереву, войлоковалание, тамбурная вышивка, аппликация из меха и цветного сукна и сейчас еще бытуют у алтайцев, причем их орнамент сохраняет традиционные черты. В юртах алтайцев и казахов, служащих летним жильем, можно видеть традиционное национальное убранство: деревянные лежанки — «лежаки», покрытые войлоками, плоские кожаные подушки с аппликацией и тамбурной вышивкой, узорные войлоки на полу, деревянные резные сундуки-ларь.

Русское население Алтайского края, в основном потомки старообрядцев, бежавших начиная с середины XVII в. от преследований правительства на Алтай, сохранило в своем искусстве ряд черт, восходящих к искусству допетровской Руси. В типах крестьянского жилища, в его планировке и внутреннем убранстве, в народном ткачестве и ковроделии, в орнаментации тканых и плетеных поясов наблюдается много общего с русским населением Европейской части СССР, особенно — северных областей. Так,